

В порядке дискуссии

**Реабилитация социологии
в Советском Союзе**

Рене Альберг

Берлин

В Советском Союзе годами бытовала поговорка о «социологии без социологов». Несмотря на то, что с шестидесятых годов немало высококвалифицированных социологов проводят исследования, ни один из них не учился по специальности в университете (1). Большинство начинали в качестве философов, экономистов, психологов, иногда даже естествоиспытателей. Сегодня ситуация такая же, как и 20 лет назад, когда советская пресса впервые публично признала ее парадоксальность: «Можно ли представить физику без физиков, геологию без геологов, историческую науку без историков? Без физиков нет физики. Может быть, есть социология без социологов? Кто работает в почти 100 исследовательских социологических группах, имеющих в нашей стране? Это философы и экономисты, демографы и этнологи, математики и психологи, юристы и географы, статистики и логики, учителя и инженеры.» (2)

Большинство этих ученых решались на участие в социологических исследованиях из энтузиазма. Они приобретали специальные социологические знания либо путем самообразования, либо на особых учебных курсах, которые учреждались для повышения квалификации социологического исследовательского персонала. Отсутствие возможностей для получения академического образования уже в шестидесятые годы было предметом публичной критики: «Самые активные социологи пытаются сегодня обучаться благодаря освоению иностранных

учебников, с помощью переведенных монографий и статей, а также переведенных курсов лекций, подготовленных в польских университетах» (3). Еще в 1985 году секретарь советского общества социологов уверял, что «наиболее эффективной формой повышения социологической квалификации является самообразование» (4).

Общедоступной исследовательской и учебной специальности «социология» в Советском Союзе не было. «В системе высшего образования страны, - подчеркивала Т.А.Заславская, - нет ни одного социологического факультета, а кафедры социологии можно сосчитать по пальцам» (5). Под последними имелись в виду кафедра прикладной социологии в Тбилисском университете (осн. в 1968 г.) и кафедра методики и техники эмпирического социального исследования в Московском университете (осн. в 1969 г.). В обоих случаях обучение ограничивалось содействием получению методических и технических знаний. Создание этих практически ориентированных кафедр не означало санкционирование социологии. До сих пор министерство специального и высшего образования пыталось ограничить институционализацию социологии академической сферой, ибо включение ее в официальный перечень учебных дисциплин было бы равносильно признанию этого предмета.

В последние годы административное сопротивление институционализации социологии рассеивается. В 1984 году впервые министерство уступило мощному стремлению к созданию возможностей для получения социологического образования и учредило на философском факультете Московского университета и экономическом факультете Ленинградского университета отделения прикладной социологии. При этом все же министерство позаботилось о том, чтобы этот факт не был истолкован как официальное признание социологии. Обучение было ограничено содействием в получении методических и технических знаний. Кроме того к учебе (10 семестров) допускались лишь те, кто уже несколько лет вел практические социологические исследования. Этим органы власти давали понять, что речь идет лишь о поддержании профессионального уровня, а отнюдь не о признании самостоятельной учебной дисциплины «социология».

Решение Политбюро о социологии

По инициативе нового партийного руководства XXIУ11 съезд КПСС принял решение об ускорении экономического и социального развития. Неожиданно сильное социальное сопротивление, на которое натолкнулись первые же меры рационализации, кажется, убедило советские партийные верхи в том, что прежде, чем приступить к преобразованию общества, необходимо изучить вероятное воздействие реформ на интересы соответствующих социальных слоев. На этот факт указывала Т.И.Заславская, объясняя резко возросшее значение социологического знания для проведения реформ: «Повышение роли социологии связано с тем, что каждое принимаемое решение затрагивает социальные интересы, меняет положение и трансформирует поведение множества взаимодействующих групп. Для разработки стратегии перестройки органам управления крайне необходима полная, точная и правдивая информация о потребностях, интересах, ценностях, поведении общественных групп в тех или иных условиях, равно как о возможном влиянии этого поведения на общественные процессы (6).

Потребность в надежной социологической информации положительно повлияла на позицию советского партийного руководства в отношении признания социологии в качестве самостоятельной науки. Когда в период концептуализации и уточнения целей реформ оказалось, что большинство советских обществоведов не в состоянии удовлетворить в необходимом объеме потребность руководства в теоретической и эмпирической информации, М.С.Горбачев начал говорить об этом в общем контексте критики застойных тенденций в обществе. 1 октября 1986 г. в своей речи перед участниками Всесоюзного совещания обществоведов он обвинил социальные науки в отсутствии связи с практикой (7). Два месяца спустя он публично подтвердил свой упрек, говоря о том, что «теоретические представления о социализме остались в социальных науках на уровне тридцатых и сороковых годов» (8).

В мае 1987 г. А.Н.Яковлев в основополагающей статье, опубликованной в журнале «Коммунист», возложил ответственность за неудовлетворительные научные результаты

на неопределенный научный статус социологии: «Не менее сложна ситуация в социологии. Профессиональный уровень многих социологических исследований еще низок. Широко распространено простое описание, упрощенное обсуждение вопросов о социальном развитии, общественном мнении. Место социологии в системе обществоведения далеко не определено.» (9) Этой критикой был, наконец, обозначен центральный структурный дефект советской социальной науки, который мог быть устранен благодаря реформе.

Оценка Яковлева выразила принципиальную готовность Политбюро закончить десятилетиями длившуюся конкурентную борьбу между философами и социологами за ведущие для своей дисциплины позиции в социальных науках. Однако потребовался еще целый год интенсивной подготовки, прежде чем Политбюро 19 мая 1988 г. обнародовало постановление «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении важнейших социальных проблем советского общества», в котором социология восстанавливалась в своих исконных правах как самостоятельная отдельная наука.

Надежным знаком интеграции социологии в советскую систему социальных наук может рассматриваться поручение Политбюро «учредить социологические факультеты и отделения в важнейших университетах страны и сделать возможной специализацию в области социологии, а также профилизацию в других специальных отраслях» (10). Обращение Политбюро к АН СССР и к компетентным министерствам с просьбой принять все необходимые меры, чтобы включить предмет «социология» в учебный процесс университетов, имеет решающее значение для научного признания социологии. Ибо самостоятельная наука возможна лишь только в том случае, если она включена в систему высшей школы страны с собственными кафедрами и институтами, а также располагает собственной программой обучения и учебными планами.

В решении Политбюро большое внимание уделялось также научной подготовке и материальному обеспечению социологии: «Необходимо принять меры для обеспечения комплексности и результативности социологических исследований, предусмотреть создание сети социологических институтов и центров, поднять

значение служб социального развития на предприятиях и в организациях. Эти меры должны гарантировать в дальнейшем улучшение социологического образования и профессиональной подготовки социологов, создания научно обоснованной системы изучения мнений, расширение информационных возможностей социологов, повышение тиражей и качества социологической литературы, а также улучшение материально-технического и финансового обеспечения ученых» (11).

Некоторые социологи, делая ретроспективную оценку, обращают внимание на то, что это решение Политбюро - фактически первый партийный документ за 70 лет, который посвящен исключительно социологии (12). Свертывание социсследований в тридцатые годы и возвращение эмпирических социальных исследований в конце пятидесятых - начале шестидесятых осуществлялось без формального решения партии. В данном же документе пересматривалась структура социальных наук и делалось это перед лицом общественности, так что оно с трудом могло быть искажено последующими инстанциями. «Социология не только реабилитирована, но и институционализована, - поясняет ведущий советский социолог Г.В.Осипов в одном интервью значение этого постановления, - признана ее важная роль в решении социальных проблем перестройки. Перестройка - это в первую очередь возврат к здравому смыслу, к научному управлению обществом.» (13)

Другие социологи еще не решаются облегченно вздохнуть и считают развитие своей дисциплины необеспеченным. Многие переживания, которые им довелось испытать, вполне оправдывают их скептицизм. Социолог Р.В.Рывкина полагает, что данное решение все же не может быть поворотным пунктом, так как идеологические предрассудки, мешавшие продуктивному развитию социологии, еще не исчезли из общественного сознания: «Жизнь и работа в условиях подмены реальности иллюзиями и мифами не проходит бесследно. По-разному, в разной мере это сказывается и сегодня в виде утопических, иллюзорных и просто неверных представлений об обществе, в виде страха перед новой мыслью, боязни посягнуть на официальные авторитеты, неверия в возможности собственного разума. Пока это сильно в людях. И при всей важности постановления о социологической науке само

по себе оно еще не обеспечит ту психологическую переориентацию, не создаст ту новую культуру, которые необходимы для решения стоящих проблем. Требуется значительно большее: социология должна как бы заново родиться; едва выйдя из длительного застоя, она должна иметь кадры специалистов, готовых и способных к преобразованию общественной жизни. Иного выхода нет: надо поднять камень, вес которого больше, чем социальный вес сегодняшней социологической науки.» (14)

В любом случае, решение Политбюро положило конец многолетней возне вокруг правомерности существования социологии. Вместе с тем оно вызывает немало вопросов, на которые сегодня еще невозможно окончательно ответить. Один из них о том, каково будет отношение между социологией и философией. До сих пор положение исторического материализма как единственной законной «марксистско-ленинской науки об обществе» не оспаривалось. Сейчас он вступает в соревнование с социологией. Могут ли долго существовать рядом две науки с одинаковыми целями, но дающие полностью гетерогенные научные представления? Не следует ли, напротив, ожидать, что идет процесс вытеснения, как это уже было однажды в конце двадцатых - начале тридцатых годов. На этот раз, конечно, с обратным знаком, так как социология для советской властной элиты становится необходимым инструментом социальной информации.

Сходных вопросов напрашивается немало. Мы попытаемся в последующем ответить только на два из них.

1. Как сложилось то состояние, в котором сегодня находится советская социологическая наука, в течение предшествовавшей истории? Почему она была подавлена в начале 30-х годов и вновь допущена в конце 50-х, хотя бы лишь в качестве методов исследования?

2. Намечается ли уже сегодня, после того, как социология вновь приобрела статус самостоятельной науки, утрата авторитета исторического материализма? Этот вопрос приобретает весьма важное значение, если учесть, что он напрямую связан с основами легитимации советской системы господства.

Свертывание социологии

В первые годы после Октябрьской революции развитие социологии в Советском Союзе ничем особенно не отличалось от ее развития в Западной Европе. Тогда марксизм выполнял лишь функции философской методологии, которая хотя и задавала направление социологическому исследованию, но не вредила ее эмпирической ориентации. В период с 1818 по 1922 годы социология была здесь популярнейшей наукой. И поскольку она считалась наукой революционной, стремящейся к сходным (если не одинаковым) с марксизмом целям, советские власти торопились учредить кафедры социологии во всех больших русских университетах. Народный комиссариат просвещения даже ввел ее в качестве обязательного предмета в учебные планы средней школы. (15).

Однако всеобщее воодушевление сменилось резким разочарованием, когда В.И. Ленин в начале 1922 г. обрушился с разгромной критикой на молодого русского социолога Питирима Сорокина. Последний опубликовал статью, в которой негативно оценил воздействие советского законодательства о браке на стабильность семьи. В сокрушительной ленинской критике уже можно было увидеть принципиальную несовместимость его представлений о советском обществе с критическими интенциями позитивной социологии (16). После этого эпизода, имевшего далеко идущие последствия, советские власти уволили всех немарксистских гуманитариев из университетов и институтов. В том же году большое число ученых и писателей (161 человек, среди них и Питирим Сорокин) было выслано из страны. Освободившаяся профессура по социологии была в кратчайший срок превращена в плановые места по историческому социализму (17).

Вытеснение буржуазных социологов со всех высших учебных заведений привело к перемещению социологической активности в академическую сферу. Вне университетов, в коммунальных учреждениях и в различных массовых организациях еще можно было относительно безмятежно заниматься марксистски ориентированными позитивными социальными исследованиями. Поскольку марксистские социологи вели себя полностью

конформистски и планировали свои исследовательские проекты в соответствии с политически актуальными нормами, они поддерживались властями. Окончательный разрыв с позитивным марксистским идеалом науки произошел позже, в двадцатые же годы целый ряд видных русских марксистов придерживался позитивной концепции науки.

Значительное влияние на позитивное восприятие марксизма оказали труды А.А. Богданова и Н.И. Бухарина (18). Столкновения между представителями позитивного и диалектического идеала науки в марксизме принимали все более резкие формы, однако до 1930 г. они относительно свободно конкурировали друг с другом вокруг «правильного» понимания марксизма. На этой основе и держалась еще марксистская социология (19).

Спор между позитивистами и диалектиками окончился лишь в 1931 г. при прямом участии И.В. Сталина в решающей дискуссии. Хотя формально оба философских течения были осуждены, в действительности победила политически инструментализированная версия диалектического и исторического материализма (20). Новая «марксистско-ленинская общественная наука», родившаяся от этой контroversы, конституировалась в качестве диалектической концепции теории-практики. Она претендовала на то, чтобы быть воплощением законов науки, и следила за соблюдением исторических и общественных законов в социалистическом строительстве. Так как политические цели, которые диалектическое мышление оправдывает и утверждает, заменимы любыми, инструментализированная форма общественной науки вполне соответствовала практическим функциям, которые ей предписывалось выполнять в процессе ускоренной индустриализации и насильственной коллективизации. В качестве диалектической концепции теории-практики, которая принимала участие в идеологической мобилизации населения на социалистическое строительство и научно оправдывала его необходимость, она оптимально соответствовала представлениям партии о «практическом значении» революционной социальной науки.

В той мере, какой эта политически инструментализированная диалектическая концепция была навязана всем социальным наукам, для них утрачивал любое

когнитивное и познавательно-критическое значение их соответствующий эмпирический предмет. Социальные науки в дальнейшем ориентировались исключительно на соответствующую политически верную линию, которую они оправдывали псевдонаучными исследовательскими результатами. Новое понимание науки вылилось в отрицание и свертывание эмпирических социальных исследований. Позитивная социология была осуждена как «буржуазная псевдонаука» и искоренена как «наука с принципиально другой классовой ориентацией» (21).

Кроме нескольких небольших социологических проектов, реализованных после 1931 г., в Советском Союзе до начала шестидесятых годов не было ни специальных социсследований, ни учебной дисциплины «социология». Конец позитивной социологии означал и конец эмпирических исследований во всех других социальных науках. Если в истории современности искать для этого факта параллели, то напрашивается сравнение с судьбой социологии в Германии после захвата власти национал-социалистами. Рационально построенная социология здесь также оказалась источником критической по отношению к режиму информации, опровергавшей расово-биологическую картину мира национал-социалистов. Сумевшие выжить в условиях фашистского режима формы социологии примыкали к гуманитарным традициям, которые так или иначе вписывались в нацистскую идеологию или по меньшей мере ей не противоречили (22).

С шестидесятых годов - следовательно, после «возвращения» эмпирической социологии - советские обществоведы зачастую воинственно возражали против упрека в том, что социология в Советском Союзе свыше четверти столетия тщательно подавлялась. Они указывали в этой связи на неразрывную последовательность «общественнонаучного исследования» в Советском Союзе, имея, однако, при этом в виду те абстрактные дедукции и генерализации без конкретного информационного содержания, которые были характерны для периода с 1930 по 1960 гг. Лишь в последнее время советские социологи обрели свободу критически осмысливать свою научную историю. Сейчас они открыто обсуждают то, о чем до недавнего времени можно было говорить, лишь прикрыв рукою рот: «До Сталина лишь

немногие марксисты ставили под сомнение существование социологии как самостоятельной науки. И. Сталин не только «упразднил» социологию практически, но и теоретически обосновал свое действие. В разделе «О диалектическом и историческом материализме», написанном им для краткого курса «История ВКП(б)», целая область научного социального знания вопреки логике развития как философии, так и конкретных наук, была «возвращена» в лоно философского знания. С этих пор важнейшие составные части социологии - ее общая теория (теория общественных формаций), ее специальные теории (теория классов, наций и т.д.) стали рассматриваться только на философском, то есть абстрактно-теоретическом уровне. Социологические методы конкретного исследования общества были не только оторваны, но и противопоставлены социологическому знанию как знанию философскому. Все это породило схоластику и догматизм, привело к тому, что развитие социальной теории советского общества осталось у нас на уровне 30-х годов.» (23).

Реактивация эмпирического социального исследования

Почти три десятилетия «общественная наука» (то есть исторический материализм) могла сохранять свой авторитет как диалектическая наука о практике. По-видимому, успешный перенос марксистской модели общества на общественные структуры доказал, что исторический материализм действительно располагает надежным знанием законов и служит практической политике в качестве теоретического руководства.

Когда же общественная система разделения труда в процессе индустриализации приобрела сложные формы, вызвавшие спонтанные социальные движения, которые никто не предвидел, познавательные границы «обществоведения» стали очевидны. Его представители были не в состоянии объяснить неожиданную самоорганизацию населения. При ориентирующих и мобилизирующих функциях исторический материализм оказался полностью не способен понять вызванные развитием индустрии общественные перемены и повлиять на их протекание. Растущая социальная мобильность населения, мешавшая хозяйственному

планированию и вызывавшая финансовые потери, стала самой актуальной проблемой. К этому надо добавить, что спонтанное социальное движение нельзя было проконтролировать ни традиционными административными мерами, ни обычными моральными апелляциями.

Социальные очаги торможения в экономике не могли уже рассматриваться как следствие ошибок планирования или неверных действий руководителей и директоров предприятий. Проблема, с которой столкнулась хозяйственная бюрократия, состояла в совершенно нормальном для индустриальных обществ увеличении флуктуаций и миграции в промышленности и населении. Однако в Советском Союзе спонтанно выросшая социальная мобильность поставила хозяйственное планирование перед совершенно новой управленческой задачей. К самоорганизации населения здесь были не готовы. Очевидная неспособность повлиять на этот социальный феномен заставила государственную бюрократию признать, что она ничего не знает о причинах и формах протекания этого социального движения. В этой критической ситуации у озадаченных органов власти возникла (из чисто практических интересов) потребность в применении научных средств получения важной для планирования информации о мотивах возрастающей текучести рабочей силы в экономике и миграции населения. Директора предприятий с большой текучестью кадров, а также партийные и профсоюзные функционеры зачастую обращались в компетентные министерства с просьбой либо вновь ограничить введенный недавно свободный выбор рабочего места (Решение ВС СССР от 25 апреля 1956 г.), либо устранить общественные причины текучести кадров. Органы власти, в свою очередь, потребовали от ученых-обществоведов разработки практических предложений. Через несколько лет оказалось, что от представителей исторического материализма нельзя ждать в решении этого вопроса никакой помощи, так как они оказывались некомпетентны как философы или просто терпели неудачу в попытке дедуцировать причины социальной мобильности из марксизма. Хозяйственная бюрократия почувствовала необходимость возобновления эмпирических социальных исследований.

Наряду с потребностью бюрократии в информации

благоприятные условия для реактивации эмпирического социологического исследования создало изменение идеологических основ внешней политики. До середины пятидесятых годов почти не существовало отношений между советскими и западными научными организациями. В научной политике все еще господствовала идеологическая поляризация, установленная А.А.Ждановым, который обязал «обществоведов» вести бескомпромиссную борьбу с западной философией и социологией (24). Выполнение духовного завета, в котором «холодная война» объявлялась первой задачей, исключало установление даже формальных отношений с национальными и международными научными организациями на Западе. Поэтому заимствование методов западной социологии было немислимым. В то время научная бюрократия видела свою задачу в тотальном ограждении собственного «исследования общества» от западных влияний. Личные контакты со специалистами-коллегами и научными институтами Запада тем более не допускались.

В середине пятидесятых годов произошло некоторое потепление. Существенное влияние на смягчение позиций по отношению к Западу оказали решения XX съезда КПСС (февраль 1956 г.), подтвердившего не только курс на десталинизацию, но и концепцию мирного конкурентного сосуществования государств с различным общественным строем. В соответствии с новой внешнеполитической линией советской науке предлагалось отказаться от самоизоляции и внести собственный вклад в окончание «холодной войны» благодаря возобновлению контактов с западными научными организациями. Для этих целей были предусмотрены мероприятия, связанные с приглашением западных ученых для участия в заседаниях и конференциях в Советском Союзе. Для советских ученых также стало возможным посещение и сотрудничество с соответствующими организациями на Западе. Все это распространялось и на идеологически выдержанных «обществоведов», до сих пор подчинявшихся строгим правилам.

19 июня 1958 г. была создана Советская социологическая ассоциация (25). Тем самым было выполнено уставное требование для вступления в международную социологическую ассоциацию (осн. в 1949 г.). Воздействие всех этих мер на положение исторического материализма и на отношение социальных ученых

к социологии трудно переоценить. Во-первых, они возобновляли прерванный спор о праве социологии на существование наряду с историческим материализмом. Во-вторых, уже первая встреча советских ученых с западными коллегами (на III Международном конгрессе в Амстердаме, август 1956 г.) показала, что их идеологические предрассудки не устояли перед реальностью. Эта встреча побудила советских участников конференции требовать возобновления социологических исследований в СССР.

Наиболее ясно за реабилитацию социологии высказался советский философ М.Д.Каммари: «Задачи марксистской социологии совершенно понятны. Она должна исследовать прежде всего те социальные изменения, которые происходят перед нашими глазами. Этого требуют задачи коммунистического строительства... Мы особенно нуждаемся в конкретных исследованиях непосредственной жизни, изменений, которые происходят на фабриках, предприятиях, рудниках, колхозах и совхозах, городах и деревнях, на производстве, в жизненном укладе и культуре людей... Такие исследования не только обогатят нашу общественную науку, но и оживят теорию, они наполнят ее творчески, они органически свяжут ее с жизнью, с практическими задачами коммунистического строительства...» (26).

Развитие отношений между социологией и историческим материализмом

Создание Советской социологической ассоциации было воспринято многими учеными как знак официального признания социологии. Явная неспособность представителей исторического материализма объяснить индустриально-общественные изменения дискредитировала его претензии на достоверность эмпирических результатов. Растущая потребность государственной бюрократии в точной информации о мотивационной структуре социальных перемен оставалась по-прежнему неудовлетворенной. В научной литературе накопились жалобы на отсутствие эмпирических данных. Казалось, ситуация на самом деле созрела для полной реабилитации социологии.

Сверх того, сторонники самостоятельности социологической науки могли сослаться на устав союза социологов, где ясно сказано, что его задачи связаны «с содействием развитию исследований в области социологии» (27). По меньшей мере, некоторые советские политики от науки, по-видимому, были готовы в этот момент пересмотреть существовавшую структуру общественных наук и пойти на риск развития социологических исследований.

Уже за год до создания Советской социологической ассоциации ведущий философский журнал опубликовал статью восточно-немецкого историка хозяйства Юргена Кучинского под провокационным названием «Социологические законы», в которой автор провозглашал право на существование самостоятельной «марксистской социологии». Кучинский обосновывал свое требование иерархической концепцией законов, в которой выделял три уровня: законы природы, хозяйства и общества. Провокационность этой мыслительной модели состояла в подчеркивании относительной самостоятельности всех уровней, что противоречило диалектическому тезису о взаимосвязи вещей, и повышения статуса социальной сферы в качестве предмета исследования самостоятельной «марксистской социологии» (28). При этом всплывала проблема, которая не могла не обеспокоить советских теоретиков: вычленение «общества» из предмета исследования исторического материализма ограничивало его научную компетентность несколькими абстрактными историческими законами, в то время как социология вновь становилась центральной социальной наукой.

Статья Кучинского вначале осталась без всякого отклика, хотя редакция журнала «Вопросы философии» пригласила своих читателей к дискуссии. Лишь после создания советского социологического союза представители исторического материализма, видимо, осознали угрозу своей ведущей среди социальных наук позиции. Научно-теоретические споры о допустимости социологии начались в 1958 г. с основательного опровергающего возражения Кучинскому, предъявленного философом В.В.Колбановским. В последующие годы эта проблема постоянно обсуждалась в советском обществоведении. Число книг и статей, в которых оживленно обсуждался вопрос об

отношениях между социологией и истматом, можно определить лишь приблизительно. Спор этот с перерывами тянулся до восьмидесятых годов и до сих пор еще не окончен. Если эти стерильные споры вообще имеют познавательный результат, то лишь тот, что понятие науки в позитивной социологии несоединимо с понятием науки в историческом материализме (30).

В то время как в научной сфере дискуссия оставалась неоконченной, научная бюрократия очень быстро переметнулась в сторону противников социологии. Представители истмата вполне могли заявить, что «попытки Кучинского обособить социологию в качестве противоположной историческому материализму самостоятельной науки, с одной стороны, ведут к ликвидации исторического материализма, с другой - к путанице в ряду основных вопросов общественной жизни» (31). Для научной бюрократии определяющим было осознание того, что вычленение социологических законов из предмета исследования истмата сводит компетенцию последнего к немногим закономерностям и ставит под сомнение его эмпирическое содержание. Исходя из этого И.Ильчев, отвечавший в секретариате ЦК КПСС за науку, однозначно определил в своей речи на годовом собрании АН СССР 19 октября 1962 г., что социология реабилитирована не как самостоятельная наука, а лишь как методы и техника эмпирического исследования (32).

Однако это административное решение не могло остановить падения авторитета исторического материализма, которое усилилось с возобновлением эмпирических социальных исследований. Частью основываясь на непрерывно растущей информационной потребности хозяйственной администрации, частью вследствие имманентной динамики социологического исследовательского процесса, с начала шестидесятых годов непрерывно усиливалась степень дифференциации и специализации эмпирических социальных исследований. Научная бюрократия могла лишь замедлить формирование социологии, но не остановить его: «После XX съезда КПСС в СССР произошел резкий рост социологических исследований. Предметом этих исследований была социальная структура советского общества, культурно-технический уровень рабочего класса, бюджет времени, социальные

проблемы труда, образования, семьи и др. Во второй половине шестидесятых годов в социологических исследованиях в СССР участвовало около 2 000 сотрудников высшей школы, исследовательских центров, партийных, комсомольских, профсоюзных и других общественных организаций» (33).

Практическая дифференциация и специализация социсследований вела вопреки желаниям научной бюрократии к образованию целого ряда отраслей социологии, таких, как социология семьи, труда, молодежи, свободного времени, а также городской и сельской социологии. Вместе с профилизацией специфически социологического предмета исследования должны были разрабатываться и социологические методы и понятия. Таким образом под уровнем абстракций исторического материализма возникли особые социологические области знания, практическое значение которых основывалось на высокой степени специализации. Они не могли быть встроены в марксизм-ленинизм традиционными методами истмата - дедукциями и генерализациями. Во-первых, выделение этого высокоспециализированного знания вело к деформации философской структуры исторического и диалектического материализма, то есть к перегрузке эмпирическим знанием, во-вторых, философское обобщение социологического знания влекло за собой размывание практического информационного содержания в абстрактные теоремы.

Социологическое исследование порождало специальные области знания, которые в силу значимости практических информационных услуг уже были незаменимы для советской системы и потому не могли более, как в тридцатые годы, быть произвольно подавлены.

Реорганизация советских социальных наук в этих условиях неизбежно была привязана к структуре исторического материализма. Распад «марксистско-ленинской общественной науки» произошел в 1967/68 годах, когда впервые на институциональном уровне были учреждены самостоятельные исследовательские социологические институты. В связи с решением ЦК КПСС от 24 августа 1967 г. «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве», которое предусматривало и

рационализацию социсследований, в 1968 г. в Москве был создан «Институт конкретных социальных исследований». С этим и сходными институтами, учрежденными в рамках АН СССР и в университетах, эмпирическая социология получила статус полуавтономной социальной науки, исследования которой строго ограничены. И все же право развивать специальные социологические теории в ограниченных эмпирических пределах было признано. Исторический материализм утратил свои претензии на эмпирические результаты. Ему был возвращен статус социальной философии, которая приобрела функции общей социологической теории общества. В будущем она должна была не заменять эмпирические исследования, а лишь контролировать их.

Практические проблемы развития социологии

Возможности практического проведения социсследования в Советском Союзе были ограничены его тесной связью с философской постановкой проблем историческим материализмом. Неопределенный научный статус вел к тому, что исследовательские результаты могли быть оспорены каждым желающим. Из-за низкого уровня научной квалификации социологи не нашли признания на предприятиях и в организациях, где были заняты. Наконец, из сферы социологического исследования были искусственно устранены все острые проблемы советского общества, существование которых противоречило официальному идеалу социализма (например, разрастание национализма, усиление власти государственной бюрократии, отсутствие правовой безопасности, все формы отклоняющегося поведения). Все это уменьшало репрезентативность, информационную содержательность и возможность практического использования результатов социсследований, отзывов, экспертиз и прочих рекомендаций.

Однако несмотря на мелочную идеологическую и административную опеку социология достигла высокой степени институционализации еще до решения Политбюро ЦК КПСС о ее легализации. В социологических исследованиях участвовало

свыше 40 философских, экономических, политологических, юридических, этнологических, демографических, педагогических и социально-психологических отделов и секторов АН СССР, а также соответствующие институты АН союзных республик. В университетах и институтах существовало приблизительно 200 «социологических лабораторий», занимающихся эмпирическими исследованиями. При этом речь идет об исследовательских учреждениях, в которых не было никакого академического обучения. Социологические группы имелись также в исследовательских учреждениях министерств, партийных, молодежных и профсоюзных организаций. Такое же положение дел характерно и для редакций больших газет и журналов. Советский союз социологов охватывает примерно 6 000 индивидуальных и 1 200 коллективных членов. В настоящее время он делится на 35 центральных и приблизительно 150 региональных секций, которые сами себя финансируют за счет выполнения исследовательских заказов. Общее число штатных социологов в Советском Союзе составляет по советским оценкам от 15 до 20 тысяч человек, из которых 3-4 тысячи работают социологами на предприятиях (34).

В ходе внутренней реорганизации самый большой социологический центр страны сначала был переименован в «Институт социологических исследований» (35), затем - на основе решения Политбюро - в «Институт социологии». Новое имя символизирует окончательное признание социологии как самостоятельной науки. Отменено ограничение ее теоретической компетенции пределами развития специальных социологических теорий. Институту социологии предоставлено право «разработки фундаментальных теоретических, методологических и методических проблем социологии». Ему поручена в дальнейшем «координация социологических исследований в стране и проведение главным образом международных, всесоюзных и межрегиональных исследований» (36).

Количественный объем исследований можно сравнивать сегодня с числом последних в США и Западной Европе, если не брать во внимание того, что до сих пор в стране нет академических институтов для обучения социологов. Необходимо четко представлять разницу в значении социологического знания в

индустриальных странах Запада и в плановом социалистическом обществе. Для Запада характерно, что и сами специалисты затрудняются точно очертить профессиональное поле социолога и определить основную ценность социологического знания для функционирования рыночного хозяйства. Рынок и общественность создали здесь совершенно автоматически широкую сеть коммуникаций между хозяйством, обществом и государством, управленческий потенциал которого релятивизирует смысл дополнительного социологического знания и использует его лишь в особых случаях. В социалистических государствах это выглядит совершенно иначе. Здесь отсутствуют спонтанные социальные и экономические механизмы обратной связи, которыми обладают западные страны в форме рынка и общественности. Этот системно обусловленный дефицит информации и самоуправления в социалистическом обществе должен быть компенсирован обширными и дорогостоящими социологическими исследованиями.

С этим информационным дефицитом связана и другая проблема в отношении советской бюрократии к социологии - обусловленное системой чрезмерное требование научной результативности. Когда социология угрожает действующим политически актуальным нормам утратой доверия или имеется возможность опасного для системы использования ее исследований, научная администрация вмешивается в персональную и организационную структуру этой науки, чтобы корректировать нежелательное развитие и обеспечить результативность исследования. Эти посягательства с трудом достигают желаемого результата, так как причины перманентного недовольства вкладом социологии в улучшение управления и руководства государством чаще всего следует искать не в состоянии социологии, а в необычной информационной потребности политической системы. Социология систематически перегружается, так как от нее ожидается информационный результат, с помощью которого могли бы быть гармонизированы отношения между государством, обществом и хозяйством.

Все это снижает практическую ценность исследовательских выводов. Так называемая «практическая отдаленность» социологии, критикуемая вновь и вновь, объясняется очень часто

видом проблем, которые она должна решить. Темы многих исследовательских программ до сих пор формулируются с философских позиций исторического материализма и не нацелены на объяснение социальных обстоятельств. Так, например, концентрация социологии на изучении классовой и социальной структуры не принесла сколько-нибудь достоверных сведений о социальных слоях советского общества и конфликтах их интересов. Цель была в другом - подтвердить догму, в соответствии с которой в процессе коммунистического строительства социальная структура движется к «унификации» (37).

Социология как рациональная наука основательно перегружена, поскольку она должна эмпирически доказывать философские идеи исторического материализма о существовании «объективных законов» общественного развития и выводить из результатов технически применимые рекомендации для бюрократического планирования. Поставленная перед задачей эмпирически подтвердить «количественные и качественные законы развития коммунизма», любая рациональная наука обречена на неудачу.

Дискредитация исторического материализма

В результате десятилетиями длившейся дискуссии о допустимости социологии стало ясно, что рациональная наука, раскрывающая социальную действительность с целью создать теоретическое представление об обществе, не имеет ничего общего с субстанциальной наукой об обществе, заранее претендующей на обладание этим «сущностным» знанием. В то время как исторический материализм подвергает сомнению смысл социологических усилий и противопоставляет им свое знание законов, социология со своей стороны упрекает истмат в априорности **этих** номологических конструкций. Пытаясь обнаружить истоки стагнационных тенденций в социалистическом обществе, советская социология постоянно сталкивается с затвердевшими истматовскими формулами.

Социологическая критика «закономерных», «единых» и «однообразных» структур проявилась сразу после ослабления зависимости социальных наук от исторического материализма.

Перемена социально научной парадигмы выражалась в ревальвации конкретных научно-исследовательских тем - например, случайностей, неповторимостей, индивидуальностей, - которые до сих пор считались несущественными. В предпочтительном выборе ситуативных и региональных объектов исследования обнаруживается «тенденция дегенерализации знания» (38). Исторический материализм неожиданно оказался включенным в перебранку с либеральными и плюралистическими концепциями, «Общественная наука» неожиданно попала в отчаянное положение, так как методы политического доноса, которыми она до сих пор пользовалась в борьбе против социологии, обернулись против нее самой.

Философ В.В. Шкода в своей статье об ориентациях советской науки впервые указал на перемещение познавательных интересов от «универсальных и однообразных» закономерностей к индетерминистскому «много- и разнообразию» бытия. Эта перемена парадигмы оказалась сегодня распространенной во всех социальных науках: «В разных и довольно удаленных друг от друга областях социального и естественнонаучного познания исследователи все чаще сопоставляют два подхода. Говорят об одномерном и многомерном мышлении, безвариантном и вариантном, типологическом и популяционном, о принципе единообразия и полиморфизма, о моноцентризме и полицентризме. Термин «полифония» неожиданно появляется в работах, далеких от науки о музыке. Если пользоваться традиционной философской терминологией, то упомянутую оппозицию достаточно точно выражает пара «единство - многообразие».

Особенность ситуации заключается в том, что идее многообразия отдается явное предпочтение. В то же время подвергается критике долгое время бытовавшее представление о единстве как единообразии. Словом, происходит существенный сдвиг, перестройка методологического сознания: в самых различных дисциплинах модели, опирающиеся на идею единообразия, отходят на второй план. Становится все очевиднее, что упрощение структур бытия, а также редукция как познавательный прием, поиск универсального закона, формулы, объяснительной схемы и т.п. - все это утрачивает статус непоколебимого идеала практики и познания. Больше доверия получает идея

многоаспектности, сложного, комплексного характера современных проблем.» (39).

Плюралистическое научное мировоззрение формируется в оппозиции к основному положению о единстве исторического материализма. Связь явлений стагнации в экономике и обществе с моделью единого, однообразного и закономерного социализма доказывается советскими социологами в разных аспектах. Все они в той или иной мере возлагают ответственность за экономический кризис на монокаузальную и однолинейную картину социализма. Г.В.Осипов, Нестор советской социологии, в сенсационной статье накануне 19 партконференции (июнь 1988 г.) даже основу исторического материализма - экономический детерминизм - назвал ложной: «Теория экономического детерминизма не подтвердилась на практике.» (40). Л.Г.Ионин убедительно доказал, что технократическая идеология господства государственной бюрократии основывается на вере в действие «объективных законов развития и функционирования общества» (41). Даже вопрос о господствующих классах не является более запрещенным. С.А.Эфиров ставит эту проблему в качестве гипотезы для обсуждения, полагая, что «лучше говорить не о классе, а о правящей социальной группе, которая сосредоточила в своих руках при существенной, во многом определяющей «помощи» таких лидеров, как Сталин и Брежнев, огромную экономическую и политическую власть, заняла доминирующие позиции в обществе, стала над законом, приобрела множество привилегий» (42).

Смена парадигмы, на которую обратил внимание Шкода, однозначно выражена Г.Осиповым. Он сформулировал требование индивидуализации и дегенерализации социально-научной методологии непосредственно как программу развития социологии: «Движение вещей происходит через деятельность людей, осуществляющих ее во имя удовлетворения своих индивидуальных потребностей и интересов. Именно поэтому основным пунктом перестройки всей системы общественных отношений в соответствии с генеральным курсом партии, выработанным на XXVII съезде КПСС, являются не социально-экономические структуры и организационные формы, а человек, его отношение к обществу и государству, другим людям и самому себе, его потребности и

интересы, ценностные ориентации и установки» (43). Коллективистский идеал исторического материализма сталкивается таким образом с программой индивидуалистической социологии, видящей движущие силы в человеческих идеалах и ценностях.

Индивидуальное, единичное, случайное - а не общее, закономерное или коллективное - должно в будущем стать центральным пунктом социологического исследования. Анализ застойных тенденций, произведенный А.С.Ципко, показывает, что они являются следствием беспощадного осуществления «концепции единообразия» во всех структурах советского общества (44). Истоки антиреформистской позиции государственной бюрократии лежат, по его мнению, в убеждении, что сущностью прогресса является упрощение структур жизни и экономики, достижение максимально возможного единообразия. Тупое уравнивание и нивелирование всех социальных и экономических различий, которые проявились в индустриально-общественном развитии и осмотрительное использование которых вызвало бы инновационный сдвиг, является, по Ципко, собственно причиной всеобщего паралича, охватившего советское общество.

Не обойдены вниманием и истматовские методы мышления и исследования. Для критиков детерминистского мировоззрения диалектика является приемом, с помощью которого разрушалась ценность социального плюрализма, заменявшегося идеалом равенства. Интересно также, что Шкода, как и Ципко, оспаривают диалектический метод с позиций критического рационализма. В общем они считают диалектику просто умственным враньем шарлатанов, пытающихся воздействовать на мир бессодержательными абстракциями. Поэтому теоретики предпочитали иметь дело с «сущностями», так как традиционное определение последних не только близко идее единообразия, но и прямо оправдывает его. Сущность чиста, проста, фундаментальна. Явления сложны, многообразны, преходящи. Сущность величественно мудра, явления чувственны и как бы легкомысленны (45). Ципко так клеймит надменность диалектиков: «Обвиняя своих противников в неумении стать на «сущностную» точку зрения, справиться с давлением эмпирических фактов, сторонники единообразия одновременно пытаются создать

иллюзию, что можно судить о сущности вне конкретных форм ее проявления» (46).

Итак, исторический материализм довольно быстро утратил свой авторитет в качестве научной и политической легитимации социализма. Сегодня социологический анализ застоя представляет собой явное и неявное нападение на детерминистскую картину мира исторического материализма. Прагматическая и рациональная критика системы зачастую не находит никакого серьезного возражения, так как никто толком не знает, как должен выглядеть гуманный социализм. Хранители чистого учения видят себя посаженными на скамью подсудимых. На социологию же нередко смотрят как на «ключевую науку», которая поможет политикам найти верный путь. Едва ли она в состоянии решить эту задачу. По своему происхождению социология является наукой кризиса, всегда истолковывавшей тенденцию для преобразования себя в оппозиционную науку. Будущее покажет, насколько ее критические функции совместимы с претензиями партии на руководство.

* * *

1. Ср.: E.Gloeckner. Soziologie - ein Stiefkind sowjetisch er Bildungspoliitik // Osteuropa. 1979. 4. S. 290-299.

2. Михайлов В., Переведенцев В. Большие ожидания // Лит. газ. 1967. 14 июня. С.5.

3. Там же. С.5.

4. Боровик В.С. Где можно получить квалификацию? // Социологические исследования. 1985. 3. С. 188.

5. Заславская Т.И. Роль социологии в ускорении развития советского общества//Социологические исследования. 1987. 2. С. 8.

6. Там же. С.4.

7. Gorbatschow M. Eröffnungsansprache...// Die wichtigsten Reden. Köln, 1987. S. 199.

8. Ibid.

9. Yakowlew A. Die Sicherung einer neuen Qualität der sowjetischen Gesellschaft und die Gesellschaftswissenschaften // Standpunkte - Streitfragen: Umbruch in der Sowjetunion. Dusseldorf,

1987. S. 236.

10. В Центральном комитете КПСС // Известия. 1988. 12 июня. С.1.

11. Там же.

12. Как это было (Интервью с членом-корреспондентом АН СССР Г.В.Осиповым) // Социологические исследования. 1988. 4. С. 126.

13. Там же.

14. Рывкина Р. От гражданской смелости - к научной доказательности // Коммунист. 1988. **14.** С. 48.

15. **Nowikow N.** LdeSoziologie in Russland. Ihre institutionelle Entwicklung von den Anfängen bis zur Oktoberrevolution. Berlin - Wiesbaden. 1988. S. 130.

16. Lenin W.I. Über die Bedeutung des streitbaren Materialismus // Ausgewählte Werke. 3 Bdb. Berlin (-Ost), 1970. S.763-765.

17. Ср. **Клушин.** Социология в Петроградском университете // Вестник Ленинградского университета. 1964. 5. С. 70.

18. **Bjgdanow A.** Allgemeine Organisationslehre. Tektologie, 1. Teil. Berlin, 1926; **Bucharin N.** Theorie des Historischen Materialismus. Hamburg, **1922.**

19. Ahlberg R. Dialektische Philosophie und Gesellschaft in der Sowjetunion. Berlin, 1060.

20. Vgl. dazu: Aus der Resolution der Parteizelle des Institute der Roten Professur für Philosophie und Naturwissenschaften in Moskau, angenommen am 29. Dezember 1930 // Unter dem Banner des Marxismus. 1931. 2. S. 161-170.

21. **Steiner H.** Zur Soziologie des Neubeginns nach 1945 in der Sowjetischen Besatzungszone Deutschlands // Jahrbuch für Soziologie und Sozialpolitik. 1988. Berlin (-Ost), 1988. S. 237.

22. **Lepsius M.R.** Die Soziologie der zwischenkriegszeit: Entwicklungstendenzen und Beurteilungskriterien // Kolner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. Sonderheft. 1981. 23. S. 7-23.

23. Как это было... С.127.

24. Vgl. **Shdanow A.** Über Kunst und Wissenschaft. Berlin (Ost), 1951.

25. О создании советской социологической ассоциации //

Вопр. философии. 1958. 8. С. 185-186.

26. **Каммари М.Д.** О третьем конгрессе международной ассоциации социологов // Вопр. философии. 1957. 1. С. 160.

27. О создании... С. 185.

28. **Кучинский Ю.** Социологические законы // Вопр. философии. 1957. 5. С. 96.

29. **Колбановский В.В.** О предмете марксистской социологии // Вопр. философии. 1958. С. 126-130.

30. О ходе советской дискуссии об отношении социологии к историческому материализму см.: Kuczynski J. Bemuhungen um die Soziologie. Berlin (-Ost), 1986.

31. **Ијитсхов I.** Die wissenschaftlichen Grundlagen der Leitung der gesell schaftlichen Entwicklung // Sowjetwissenschaft. Gesellschaftswissenschaftliche Beitrage. 1963. 2. S. 135.

32. **Gofman I.** Zu dem Artikel «Soziologische Gesetze» von J.Kuczynski // Deutsche Zeitschrift fur Philisophie. 1960. 3. S. 329.

33. Die soziologische Forschung in der UdSSR und die Aufgaben der Zeitschrift «Soziologitscheskije Issledowanija» // Sowjetwissenschaft. Gesellschaftswissenschaftliche Beitrage. 1975. 8. S. 816.

34. **Заславская Т.И.** Указ. соч. С. 5.

35. Vgl. **Gloeckner E.** Aktuelle Probleme der Soziologie in der UdSSR (1966-1976) // Osteuropa. 1977. 8. S. 647-664; Teckenberg W. Organisation und Funktion der sowjetischen Soziologie // Beutrage zur Konfliktforschung. 1984. 4. S. 35-58.

36. В Центральном комитете... С.1.

37. Ср. типичное произведение подобного исследовательского направления: **Руткевич М.Н., Филиппов Ф.Р.** Социальная структура развитого социалистического общества в СССР. М., 1876.

38. **Шкода В.В.** Идея многообразия и научное познание // Социологические исследования. 1987. 6. С. 23.

39. Там же.

40. **Осипов Г.В.** Человеческий фактор ускорения // Социологические исследования. 1987. 5. С. 11.

41. **Ионин Л.Г.** Консервативный синдром // Там же. С. 20.

42. **Эфиров С.А.** «Белые пятна»: воображаемый диалог о

пределах гласности // Социологические исследования. 1988. 6. С. 74.

43. **Осипов Г.В.** Человеческий фактор... С. 11-12.

44. **Ципко А.С.** Концепция «единообразия» в условиях перестройки // Социологические исследования. 1986. 4. С. 5.

45. **Шкода В.В.** Указ. соч. С. 24.

46. **Ципко А.С.** Указ. соч. С. 6.